

Руинный марш

Автор:

Евгений Буянов

Руинный марш

Евгений Буянов

Документальная повесть-воспоминание спасателя ленинканского отряда – 88.

Евгений Буянов

Руинный марш

Отлет

Город, черный от наступавшей ночи и катастрофы, пришел к нам вечером 11-го декабря 1988 года. Слишком поздно...

Удар спитакского землетрясения обрушился на него 7-го декабря в 10.40 (насколько я помню, но не ручаюсь за точность в пределах часа). Из известных мне ленинградских спасотрядов, состоявших из туристов и альпинистов, в Ленинкане наш был первым. Имелись и другие отряды из Ленинграда, но некоторые попали в Спитак, в Кировакан... Большинство из них прибыли примерно в то же время (со сдвигом на сутки в обе стороны; отряд под руководством Владимира Шопина прибыл 12-го, чуть позже нас). Все тоже слишком поздно, – при задержке в несколько суток трудно было спасти тех, кого можно было спасти... Фактор времени при проведении спасработ имеет решающее значение. Количество спасенных во времени убывает «по

экспоненте»: в первый день – сотни людей, во второй – десятки, а на третий количество спасенных уже измеряется единицами. И это несмотря на наращивание усилий спасателей. Ведь никакими усилиями умершего уже не вернешь к жизни.

Да, не было тогда хорошей мобилизационной готовности, когда бросаются в бой за спасение людей сразу, без проблем с транспортом и без предварительной подготовки, проведенной заблаговременно.

Спасработы – это бой, во многих аспектах вполне военное дело, требующее полной мобилизации сил и средств, отточенной техники и тактики. Конечно, здесь имеется своя специфика действий, которую надо хорошо понимать. Существующих ныне средств, организационных структур, материального и организационного обеспечения министерства по чрезвычайным ситуациям (МЧС) тогда еще не существовало. Само МЧС не было организовано. Оно появилось тремя годами позже на базе подразделений гражданской обороны, туристских и альпинистских контрольно-спасательных служб (КСС), а также пожарных частей, выполняющих преимущественно свои задачи по борьбе с огненной стихией.

Волна землетрясения вызвала ответную волну спасателей в разрушенные города. Кого бросили? В дело пошли немногочисленные подразделения гражданской обороны (по штатам мирного времени). Здесь тоже не обошлось без жертв: в пути мы узнали о гибели транспортного самолета с одним из таких подразделений. Бросили войсковые части, – свободные от охраны объектов подразделения внутренних войск и наспех мобилизованных «партизан», – военных резервистов, призванных ранее на сборы в плановом порядке. И, наконец, бросили таких, как мы, добровольцев-волонтеров из числа туристов и альпинистов.

Непосвященный человек может удивиться: а при чем тут туристы и альпинисты? Речь ведь о спасработах, а не о походах.

Но спасработы, – это во многом и поход, поход в малоизвестную среду стихийного бедствия. К этому специфичному походу приспособлены только люди, обученные жить автономно в полевых условиях, имеющие для этого определенные навыки и снаряжение. Достаточно неприхотливые, надежные, физически крепкие и выносливые. Другие же, попав в разрушенный город, не смогли бы эффективно вести спасработы. Они вынуждены бы были обустроить

свой быт, добывать пищу, обучаться жизни в походных условиях в то время, когда надо рыться в завалах. Мы – туристы и альпинисты, были ко всему этому готовы, по крайней мере, физически. Технически мы были обучены приемам спасательных работ в горах для оказания первой помощи, вытаскивания и транспортировки травмированных участников. Психологически, как оказалось, к «спасам», как нередко называются спасработы на походном жаргоне, были готовы не все, но об этом позже.

Отряд наш из 57 человек был «солянкой» достаточно сборной. Около десятка альпинистов-разрядников. Небольшая группа туристов-спелеологов (человек 5–6), – они, как мне казалось, были людьми, наиболее приспособленными для передвижения во внутренних полостях. Правда, оказалось, что сами полости эти встречаются достаточно редко. Значительную часть, более 20 человек, составляли горные туристы, прежде всего, политехники. Остальные – тоже туристы, лыжники и водники.

О сборе группы я случайно узнал от знакомого туриста, и на собрании договорился о своем участии в составе отряда. Собрание было проведено на частной квартире по улице Каляева (ныне Захарьевская, а Санкт-Петербург тогда еще был Ленинградом).

Побуждения? Они, как оказалось, у всех были немного разные. Я напишу о своих. Хотя один, небольшой опыт «спасов» в горах у меня был (в 1987 году), очень хотелось получить его в более крупном деле, внутри настоящей катастрофы – аварии с гибелью и спасением людей в зоне стихийного бедствия.

Спасение человека... Какая цель может быть выше? (А ее антипод – убийство! Что может быть ниже?..)

Было внутреннее убеждение, что физически и психологически для этого есть некоторая подготовка (на уровне мастера спорта по горному туризму, – спортивного разряда-то «старшего», но спортивного звания-то, заметим, самого младшего, с малой толикой «сволочизма»). Есть, пусть небольшой, жизненный опыт в свои 38 (в этом смысле, показания тоже весьма «бледненькие» ввиду отсутствия тогда опыта взрослой семейной жизни). Одним из побуждений явилось и чувство сопереживания армянскому народу: в начале века он очень сильно пострадал от геноцида турок, а тут новая тяжелая напасть в виде землетрясения...

Наверно, всеми нами в разной мере владело и любопытство, – некий «туристско-экскурсионный» интерес: посмотреть на месте, что же случилось. Этот «интерес» через 3 дня еще «выйдет боком»...

Насчет отлучки с работы удалось мельком договориться только с непосредственным начальником, – он понял и отпустил. Но в том, что не будет никаких эксцессов за «самоВОЛКА», уверенности не было, и внутренне это чувство поначалу волком грызло душу. Позже никаких претензий ко мне на работе не предъявили, и даже не понадобилась официальная бумага, выданная в Ленгорисполкоме. А чем я занимался в Ленинакане, я рассказал на работе всем желающим.

Летели в неизвестность, в ночь. ТУ-154В был загружен медикаментами, нашими рюкзаками и коробками с провизией, которую нам выдали на складе по заявке. Более половины мест пустовало. Промежуточную посадку произвели в Минводах, – в этом таком родном аэропорте я впервые оказался зимой, в мокрый снег и слякоть. Нахлынули воспоминания о прошлых походах, многие из которых начинались или заканчивались здесь... Позже этот аэропорт подарит и другие воспоминания, не менее острые.

Здесь руководители отряда допустили первую грубую ошибку, которая им не прибавила авторитета. Они поддались на уговоры, «сжалились» и взяли на борт незнакомого человека. Проявили, конечно, вопиющее головотяпство, граничащее с преступлением. Стюардесса им доверилась, и при входе не проверила всех лично и по счету. Но в воздухе при пересчете «по головам» наличие лишнего обнаружилось. Стюардессе от этого стало плохо: за такую провинность реально могли снять с работы. Конечно, на самолет, на поезд, на корабль категорически нельзя брать незнакомых и какие-либо посылки, «передачи». Здесь надо уметь проявить беспощадную жесткость и отвадить «зайцев» и любителей «дармовщинки» («халявщиков») решительно, невзирая ни на какие посулы и стоны.

Еще мне показалось странным в действиях руководства отсутствие хотя бы минимального вводного инструктажа по проведению спасработ, по технике безопасности, общему взаимодействию отряда, организации быта и соблюдению дисциплины. Нам надо было даже просто познакомиться друг с другом (в основной массе мы не были знакомы), и для начала разделиться на туристские группы по опыту походной организации. Так легче бы было взаимодействовать и налаживать быт. Инструктаж и действия по организации можно было провести в

самолете, это не заняло бы много времени. Примерное содержание повестки общего собрания я продумал, но после некоторых размышлений решил не «высовываться», положившись на действия руководителей. Сейчас я понимаю, что здесь поступил неправильно: по этим вопросам следовало сначала предварительно переговорить с руководством, а дальнейшая «общая линия» была бы определена. Если бы я выступил сразу перед всеми, меня могли понять неправильно (по возрасту и походному опыту я был в отряде одним из самых «старших», но никаких официальных полномочий на руководство не имел, и не стремился их получить).

В аэропорте пробыли недолго. Здесь спокойно взлетали и садились самолеты. Запомнились взлет огромного «Антея» (АН-22) и ряд самолетов на стоянке, среди которых – «Руслан» на разгрузке, несколько иностранных машин.

В двух городских желтых «Икарусах» поехали в Ленинакан через Ереван, а затем по дороге, огибающей гору Арагац. Попутчиками были несколько молодых армян, – с ними поговорили обо всем понемногу, но, прежде всего, о причинах начавшего разгораться армяно-азербайджанского конфликта. Мне показалось странным их твердое «убеждение», что «такой нации, – азербайджанцы, – вообще не существует». И одна из причин конфликта, думается, крылась в подобной постановке вопроса обеими конфликтующими сторонами, – в их национальной нетерпимости. Конечно, народ, утверждающий свою государственность и национальную принадлежность, не должен в том же отказывать другому народу. Думается, такая национальная нетерпимость делает малые народы очень уязвимыми с точки зрения проявлений национализма и манипуляций на этой основе. Хочется верить, что подобные настроения – временное явление, которое вскоре будет преодолено. Национальная вражда – такого рода стихия, которая несет много бед и много крови... Малые народы от нее очень страдают. И при ее наличии, я думаю, никогда «большими» народами (центрами суперэтносов) не становятся...

В отряд попросился и присоединился на время работ студент-лингвист из Прибалтики (насколько я помню, литовец из Каунаса). Он овладел четырьмя языками и хотел попрактиковаться на «спасах» в качестве переводчика. В последующем он показал себя очень хорошо, реально помог в налаживании связи с иностранными спасателями, не уходил от тяжелой работы. И мне товарищески оказал помощь в трудный момент физической травмы. Он оказался в отряде одним из наиболее ценных, подготовленных специалистов. Очень ценным для работы человеком оказался политехник Слава Кузнецов, – он умел

работать на разных строительных машинах, легко манипулировал и краном, и экскаватором. Надо бы любому спасотряду иметь крановщика-экскаваторщика на каждую группу из 8-10 человек. Очень ценным человеком был наш врач, следивший за состоянием здоровья спасателей, оказывавший помощь людям в городе. Без этих парней наша работа была бы заметно менее эффективна...

Город во тьме

Темные дома и руины домов были освещены местами только фарами, прожекторами работающих машин и кострами на тротуарах, у которых грелись люди. Автобусы медленно пробирались по центральным магистралям среди опустевших домов с черными глазницами окон. Движение по проезжим улицам было медленным, но весьма напряженным, несмотря на позднее время. Дома имели различные повреждения в зависимости от качества постройки и направления удара волны землетрясения. Часть домов не имела заметных дефектов, у некоторых наблюдались трещины в стенах, – эти повреждения не являлись катастрофическими, в них, видимо, погибших не было (под «катастрофой» здесь и ниже я понимаю аварию или стихийное бедствие с гибелью людей).

Некоторые дома обвалились частично, – в средней части или на угловых выступах. В таких домах, конечно, имелись погибшие, но масштабы катастрофы от этих разрушений были бы не так велики, если бы не было полностью разрушенных домов. От этих остались лишь огромные груды мусора с вкраплениями человеческих тел. Эти дома взяли очень много жизней, – выжить под их руинами человек мог только благодаря чудесному, редкому стечению обстоятельств. Спасти людей, еще оставшихся в живых, здесь было особенно тяжело. Для этого требовалось раскопать огромные завалы. Это нам еще предстояло...

Картина разрушенного города впечатляла. Над грудями развалин в свете прожекторов склонились стрелы автокранов. В завалах трудились люди в рабочей одежде, – они разгребали мусор, закрепляли за тяги кранов (стропалили) тяжелые обломки конструкций. Краны поднимали, иногда вырывали эти обломки, и относили их в стороны, складывая на свободные места рядом с завалом или прямо на самосвалы. Шла постепенная, тяжелая разборка

развалин для извлечения из них живых и погибших.

Штабеля гробов, – черных и красных, – были сложены на крупных перекрестках, площадях, и у некоторых домов. В окне автобуса промелькнул небольшой отряд спасателей, явно иностранцев, в комбинезонах со светоотражательными нашивками. Чувствовался какой-то специфичный сладковато-кислый запах, перемешанный с гарью костров и немного отдающий гнилью, – то ли от куч отбросов на улицах и неубранных помоек, то ли, думалось, от гниющих под руинами трупов... Танки на перекрестках улиц с нарядами автоматчиков, – импровизированные блокпосты...

Местами в руины вгрызались ножи бульдозеров и ковши экскаваторов, но делалось это на свежих раскопах достаточно осторожно, иначе можно было убить или покалечить еще живых людей, лежащих в завалах. Внутреннее чувство подсказывало, что в этих кучах мусора мало кому удалось уцелеть... Но все равно надо искать, не жалея сил.

В уцелевших домах не было света не столько потому, что не было электричества, сколько потому, что люди их покинули, страшась обрушения и предпочитая ночевать на улицах у костров, в гаражах, одноэтажных домах, палатках и загородных дачах... После землетрясения люди стали бояться своих домов: для многих дома превратились в могилы. Потому в окнах не светили ни свечи, ни фонари. Часть людей погибла, часть находилась в больницах, часть просто покинула город, уехав к знакомым и родственникам. Кто-то в панике, кто по здравому расчету, используя помощь родных и друзей, живущих неподалеку (прежде всего, в Ереване). За все время я видел всего несколько детей подросткового возраста среди родителей, раскапывавших свои квартиры. Малых детей не было. Их, видимо, всех вывезли в первую очередь, как самое дорогое. Прежде всего, для исключения психологических травм от вида погибших. Но все эти черты разрушенного города были осмыслены и поняты не сразу...

Тревога

Вначале путь лежал к штабу спасателей, который расположился на центральной площади (площади Ленина) в невысоком здании. На соседней улице простояли около часа в ожидании вестей от руководства. Волновали, прежде всего, три

вопроса: что делать, куда направить усилия и где разместиться на ночь, которая уже наступила. В дороге все устали, полноценно выспаться в самолете не удалось.

Насчет того, куда направить усилия в штабе не сказали ничего определенного. В результате опроса местных жителей удалось найти подходящее место для остановки на ночлег. Они рекомендовали использовать свободный спортивный зал одной из школ, – небольшой по размерам, он находился в целом одноэтажном здании. На месте предпочли разместиться в сквере школы, в своих походных палатках. На примусах сготовили ужин (бензином запаслись в дороге).

Перед сном не унималось ощущение жгучей тревоги. Было ясно, что где-то рядом, под завалами, лежат живые люди, нуждающиеся в немедленной помощи. И, может быть, один час промедления для кого-то из них будет роковым приговором. Но где, что и как делать?.. Давила неизвестность.

Погибшие

В первый день работали на развалинах «нового» радиозавода. Его только построили, и приемная комиссия из 30-ти человек (как нам сказали) приехала его проверять. Прием закончилась печально, как объяснили, для всех... Но где они находились в момент удара, было неизвестно. А может, вообще они не погибли? Хотелось бы верить... Мы вскрыли часть завала, но никого не нашли, и на следующий день перешли на другие объекты.

Руины радиозавода

Разборка завалов производилась вручную, – часть мусора сгребали лопатами, более крупные обломки вытаскивали и отбрасывали на улицу (и

Купить: https://tellnovel.com/buyanov_evgeniy/ruinnyy-marsh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)